

Портрет неизвестного

На фоне писем к жене и романа «Мы» Евгения Замятина

Впервые опубликованные 334 письма Евгения Замятина к жене, Людмиле Николаевне (крайние даты: 1906 – 1931) – самое интересное, необычное и даже сенсационное из того, что вошло в «Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина», изданное Российской национальной библиотекой (предисловие и комментарии М. Любимовой, подготовка текста Л. Бучиной и М. Любимовой).

Главное удивление от чтения писем (протагонистом которых, конечно же, является не Людмила Николаевна, а Евгений Иванович) связано с тем, что повествователь Д-503 из романа «Мы» – это практически незамаскированный и стилистически нетрансформированный Замятин. Д-503 получил замятинский синтаксис (в частности, любовь к тире), его риторические приемы, темы его писем. Любовь к женщине они описывают тоже одинаково: одними категориями (господство – подчинение) и терминами.

«Я не могу без вас – потому что я вас люблю. Потому что я вижу, я понимаю: вам теперь никто, никто на свете не нужен, кроме другой той, другой...» («Мы», запись 18, любовное письмо, которое написала 0-90).

«Я не знал, что я так любил Вас. Любил – потому что теперь, в бессонные ночи – я тушу, тушу в себе огонь – и должен он потухнуть или я, иначе – нет сил» (письмо жене от 31 июля 1916 г. из Англии, второе за одни сутки; первое заканчивалось словами: «Не ждите писем особенно скоро; пока все не кончу в себе – помолчу», – после чего Замятин сел за второе – уже вовсе отчаянное – письмо). Кто бы ожидал такой страсти? Кто мог вообразить, что любовное отчаяние Д-503 имеет биографические соответствия?

А таких сопоставлений, таких текстовых перекличек между собственными письмами и романом можно привести множество. Обилие тире, сразу отблужающее к «Сентиментальному путешествию» Лоренса Стерна, намекает на то, что в антиутопию Замятин «незаконно» вписал сентименталистский роман. Прежде казалось, для «оживляж». Теперь, в контексте напечатанного эпистолярия, ясно: Замятину «сентиментализм» важен не менее, чем все подразумеваемые инвективы в адрес Единого Государства и Благодетеля. Поэтому в «Мы» вписан – практически безо всяких купюр – собственный любовный трагический опыт.

В определенном смысле это сенсация: с одной стороны, концепция антитоталитарного романа не исчерпывается антитоталитаризмом; с другой – «Мы» не только «мозговая конструкция» и парафраз Уэллса, но и роман в классическом смысле («пять пудов любви»), да к тому же основанный на предельном самораскрытии, которого трудно было ожидать от этого застегнутого на все пуговицы джентльмена, игравшего словами, как крапинками смальты.

Из сопоставленных цитат видно, что собственные мучения из-за неразделенной любви (другое дело, насколько они были оправданы реальным поведением Людмилы Николаевны) переданы героине «Мы», которую зовут 0-90. Более полное сравнение показывает: в романе реальные ситуации рекомбинированы и литературно упорядочены, приведены к традиционному «треугольнику». Но в письмах Замятин раскрывает себя то как «тирана», то как «страдалец», «раб» у ног «госпожи». Как «тиран» – в отношениях с некой неразъясненной комментатором Марией Андреевной. Как «раб» – с женой Людмилей.

Письма рисуют его «странным» и в других отношениях. Выпускнице фельдшерской школы Евгений, уцепившись за такую возможность, долго, часто и детально описывает симптомы своего колита, живописует танинные клзмы, сообщает рецепты микстур... Интересно, как реагировала жена на эту нескончаемую «историю болезни»? По письмам Замятина кажется, что никак.

Перед нами, однако, типичный невротик, для которого характерна «базальная тревога» – этим термином Карен Хорни (один из самых видных психоаналитиков XX века) обозначала синдром острой незащищенности и мрачных предчувствий, вытесняющих уверенность в себе и чувство принадлежности к «Мы». По существу роман «Мы», который сразу и сатира на «военный коммунизм», и манифестация собственных эротических переживаний автора, оказывается РОМАНОМ НЕВРОТИКА, в котором точно воплощены и базальная тревога, и идеальное Я в виде Благодетеля, и слияние с «мы», отвратительное для невротика, и угроза мужской гордости. Все тридцать три невротических

удовольствия. Именно все то, что Хорни описала в классическом труде «Невроз и личностный рост» (1950).

Тонкое знание Замятиным предмета объясняется двумя причинами: во-первых, он описывал себя любимого; во-вторых, был хищно-внимателен к мельчайшим деталям. И роман понадобился (такова моя генеральная рабочая гипотеза) для объективизации невротических переживаний, давивших изнутри, для их отчуждения, «выделения» из себя. Не случайно же в самом начале романа Д-503 сравнивает процесс письма с вынашиванием ребенка.

Короче, и Замятин, и Д-503 («другое я» автора) – классические невротики, и мир, изображенный в «Мы», логически выводится не только и даже не столько из политических прозрений автора, из его мыслей об энтропии, сколько из специфики невротизма. Поэтому, скажем, такое важное значение приобрела Мечь, в романе оправдываемая целями Единого Государства, а общей его идеей стала борьба с реальностью за идеал – фундаментальная особенность невротика. Не случайно современники отмечали, что Замятин скорее казался «крупнейшим писателем», чем был им на самом деле. Неспроста образы подъема вверх переполняют «Мы», а о них, как о метафоре стремления невротика к славе и власти, предупреждала Хорни. Наконец, она писала о «режиме террора», который установлен во внутреннем мире невротика, и этот режим, но только в виде особого застегнутого (и тоже внутреннего!) мира описан в «Мы» в экстернализованном виде. Мир Единого Государства, управляемого Благодетелем, – это внутренность невротической души романиста. Хорни цитирует письмо одного пациента: «Небольшая разница – жить в тоталитарном государстве или в собственном неврозе, в любом случае все закончится концлагерем, где вся штука в том, чтобы разрушить человека так, чтобы ему было как можно больнее». Так что «Мы» – это еще и диагноз.

Естественно, что «потаенный» и неизвестный Замятин – не единственное, что содержится в издании РНБ, но письма к жене – самое существующее. Да, есть еще, скажем, не публиковавшееся прежде письмо Замятина предсовнаркому Рыкову: «В Англии я видел такое развлечение: негр из окна будочки высунул голову, все время вертит ею, а публика издала швыряет в эту голову мячами – по одному пенсу за мяч. Последние восемь лет я состою в должности такого негра для советской прессы...» (30 сентября 1929 г.).

Но Замятин – политик, диссидент, даже член какой-то «боевой» социал-демократической организации (где он, вероятно, и познакомился с Милой Усовой) – все это уже описано и в общем понятно. Другое дело – Замятин-невротик, тайком вписывающий свой невротизм в антибольшевистский роман, в антиутопию. С публикацией этих писем появляется возможность прокомментировать «Мы» не только в контексте разоблачения ужасов большевизма, но и как сочинение романтическое.

Впрочем, до комментария еще далеко. Рукописное наследие опубликовано к 60-летию со дня смерти, к этой же дате в РНБ приурочили международную научную конференцию, а в петербургском журнале «Russian Studies» целый раздел был отведен под статьи участников конференции. Но ни в устном, ни в журнальном варианте – ни одного солидного (или даже «несолидного») материала о центральном сочинении, о «Нас». Роман «Мы» все еще не расшифрован. Теперь шифр «личностного» слоя известен, лирика романа объяснилась как неслучайная и для автора обладающая первостепенной важностью.

Кстати, у той же Хорни можно найти исчерпывающее объяснение исключительной роли любви, которую она приобрела и в жизни Замятина, и в романе. «Любовь должна ему (невротик. – М.З.) казаться и кажется билетом в рай, где кончается любое горе; нет больше ни одиночества, ни чувства потерянности, вины, ничтожности...» Хорни назвала таких невротиков «смирненными» и посвятила им главу «Болезненная зависимость». 334 письма к жене – уникальная ее иллюстрация. Совсем последние цитата, из письма от 5 августа 1925 года: «Милуша, милая – как больно мне от Вашего письма – как больно! О каком же «прощении» может идти речь, когда я чувствую себя виноватым? Виноватым не в чем-нибудь иным, а в том, что мучаю Вас». Мазохистом наш Евгений Иванович был изощренным, посильнее, чем Д-503. И это тоже сенсация.

Михаил ЗОЛОТОНОСОВ